

РЕГИОНЫ АЗИИ И МЕТОД ФЕРНАНА БРОДЕЛЯ¹

Н. В. Трубникова

(Томский политехнический университет)

Современная историографическая ситуация, диктуемая во многом предпочтениями микро-сюжетов, с трудом выходит в исследованиях на вопросы истории общего, «межконтинентального» порядка. С окончанием эпохи глобальных объясняющих моделей историк редко пытается примирять в своей работе различные уровни исторической реальности, а задавшись такой целью, понимает, сколь в этой части малочисленны опыты предшественников. Так, стремясь по-новому представить историю Азии, американец Р. Б. Вонг отмечает, что, несмотря на устоявшееся понятие «культурных ареалов», в методологическом арсенале современного историка отсутствуют такие единицы анализа, которые позволили бы поместить исследование на «средний» между Государством-Нацией и целым миром уровень².

В этом отношении проект «тотальной истории», предложенный работами Фернана Броделя, остается впечатляющим примером среди немногих. Действительно, метод описания Средиземноморья, представленного автором как особое пространство, созданное историческими связями и циркуляциями различного порядка, ненасильственно соотносится с современным представлением о целостном мире, поделенном на основе специфических географических условий, хозяйственных комплексов, культурных и этнических взаимодействий. В таком фокусе анализа центральным становится понятие региона, которое мыслится аналогичным «миру-экономике» у Ф. Броделя. Данный метод позволяет выявить в истории образования и трансформации азиатских государств многочисленные региональные перспективы, оставаясь при этом вне кадра привычных европоцентристских схем модернизации Востока.

В ракурсе Броделя цивилизации (миры-экономики) являются формами жизненного постоянства человечества, которые дают народам стабильность и отличительные черты по сравнению с прочими. Различающие факторы кристаллизуются в религии, но не только в ней – каждая цивилизация тяготеет к определенным географическим центрам, не имея при этом четких границ. Пользуясь броделевской логикой, на огромной протяженности, названной европейцами «Азией», а по сути своей обозначающей «не-Запад», исследователи выделяют несколько вполне самодостаточных культурных ареалов.

К. Н. Шодюри экстраполирует метод Броделя на регион Индийского океана, сосредоточиваясь на изучении деятельности мусульманских, португальских, голландских и английских торговцев, системы связей между землей и морем, природы рынков и механизмов торговли¹. Экономическая инфраструктура региона дополняется более поздним его

исследованием политических, социальных и культурных вопросов². В новой книге автор, подобно Броделю в «Материальной цивилизации и капитализме», концентрируется и на проблематике материальной культуры: питания, одежды, быта. Расширяется спектр экономических вопросов: автор подвергает анализу производство, нормы урожая, фауну региона. Для Шодюри берега Индийского океана вмещают четыре цивилизации: Ислама, санскритской Индии, Китая и Юго-Восточной Азии. Выявляя собственную идентичность каждой из представленных цивилизаций, автор, тем не менее, стремится обнаружить черты материальной культуры, свойственные единой пространственно-временной структуре региона Индийского океана. Как и Бродель, автор показывает текстуру материальной жизни и типы экономической активности, которые определяют ритмы повседневности и общее функционирование преиндустриального общества. Однако Шодюри не рассматривает единство морского региона с точки зрения политических трансформаций или культурной специфики, и уж тем более – с точки зрения понятия «коллективной судьбы», дающего Средиземноморью Броделя некую повествовательную связность. Индийский океан Шодюри простирается от восточного побережья Африки до Японского моря, поглощая множество регионов, каждый из которых сопоставим с предпочитаемым Броделем объектом изучения по географическим масштабам.

Одному из таких сравнимых со Средиземноморьем регионов – Юго-Восточной Азии – посвящены два тома «Юго-Восточная Азия в Эпоху Коммерции, 1450-1680», опубликованные Э. Рейдом⁵. Автор подчеркивает способность Броделя объединять опыт различных дисциплин, чтобы прояснить «коллективные судьбы» региона, и в то же время крайнее их разнообразие. Э. Рейд утверждает единство региона Юго-Восточной Азии с точки зрения как физической, так и человеческой жизни. Вода и лес составляют основу этой территории, сложившейся в результате индийских и тихоокеанских тектонических напластований. Единство Юго-Восточной Азии выражается и в принадлежности более чем половины населения к единой языковой группе, и в общем режиме питания, основанного на употреблении риса и рыбы, и в одинаковом типе жилищ, создаваемом из дерева, пальм и бамбука. Наконец, объединяющим началом данного региона является морская торговля. По методу Броделя, Рейд устанавливает физические и человеческие признаки цельности данного региона, которую конституируют прежде всего морские связи между отдельными его областями, и потом уже сходство материальных и культурных практик населения, что в совокупном итоге и создает аутентичную культуру Юго-Восточной Азии.

Второй том Рейда, «Экспансия и Кризис», посвящен динамике исторических изменений в регионе, в частности, подъему торговли и обра-

зованию абсолютистских государств, вольно или невольно ассоциируемых с европейским развитием в период Нового Времени. Юго-Восточная Азия не знала церковной Реформации, но похожие по значимости эффекты произвела здесь встреча христианства и ислама, объединившая, в той или иной пропорции данных религиозных традиций, более половины населения.

Согласно Броделю, каждая цивилизация отмечена воздействием своих религий, которые придают человеческой деятельности особые качества связности культуры, изменяющиеся во времени крайне медленно. Так, Средиземноморье сложилось на пересечении латино-христианской и турко-мусульманской цивилизаций. Д. Ломбар, в книге «Яванский перекресток»⁶ аналогично рассматривает малайский архипелаг сквозь призму четырех цивилизационных влияний: санскритской Индии, культуры Ислама, Китая и Европы. Мусульманские торговцы, например, ввели, начиная с XVI в., новую монетарную систему и навыки торговли, но эти новшества органично легли на более древнюю индийскую культурную основу.

Ломбар помещает о. Яву в центр собственной экзотической культуры, питающейся целой серией внешних влияний на протяжении очень длительного времени. «Гибридный» характер данной культуры предопределен также географическим положением Явы, удаленной от признанных культурных центров. Однако автор постоянно подчеркивает лимиты того или иного воздействия: наследие Запада, в частности, не было усвоено яванской культурой так же глубоко, как Индии или Ислама. Уникальное место занимает в исторической судьбе Явы китайский фактор. Китайцам суждено было сыграть ключевую роль в развитии яванской экономики: создать инфраструктуру торговых путей, ведущих к Поднебесной Империи, основать первые плантации сахарного тростника, а позднее – чая, табака, арахиса, индиго и других. Они же внедрились в регионе производство орудий из железа и стали. Китайское влияние в культурном плане проявилось в воздействии на режим питания, керамику, мебель, архитектуру и язык Юго-Восточной Азии.

В XVII-XVIII вв. Китайская империя многократно увеличила не только экономическое, но и политическое влияние в Юго-Восточной Азии, создав режимы зависимости для ряда соседних государств, и, тем самым, повлияв на установление законов и коммерческих правил. Х. Такешки анализирует структуру региона в терминах китайской налоговой системы⁷. Он выделяет три сферы коммерческой активности в морской Азии: 1) торговля между Юго-Восточным Китаем, Тайванем и японскими островами Рюкю и Нагасаки; 2) между Южным и Юго-Восточным Китаем с одной стороны, и Юго-Восточной Азией - с другой; 3) между побережьями Восточной Индии и Юго-Восточной Азией; и реконструи-

рует торговые и денежные потоки региона, которые были оформлены политически, на его взгляд, данническим аспектом системы дипломатических отношений Китая. Такой подход позволяет произвести «регионализацию» и самого Китая, поскольку провинции империи экономически были связаны с разными частями Восточной Азии. Так, с точки зрения Р.В. Вонга, отдельными «броделевскими регионами», которые могут быть представлены как независимые комплексы политических, экономических и культурных взаимосвязей, являются моря Юго-Восточной Азии - «китайское Средиземноморье», а также Северо-Западный Китай.

Влиятельной темой в исследованиях Фернана Броделя были образование и экспансия территориальных государств в Европе. Исследователи азиатских регионов, развивая параллели со Средиземноморьем, также рассуждают о политической динамике XV-XVI вв. в терминах становления абсолютизма. Для Э. Рейда образование сильных государств объясняется сочетанием власти, харизмы и богатства. Однако он утверждает, что зачастую в этих формирующихся государственных структурах города-порты пользовались большой независимостью, и иногда такое взаимодействие центра и портовых «окраин» скорее напоминало федеративную модель, что сложно соотносится с абсолютистским типом централизации. Развивая свою мысль, автор отмечает, что с развитием коммерции между 1400 и 1630 годами, многие азиатские города создали собственную этактическую структуру, отличную от механизмов взаимодействия городов и государств в Европе. С другой стороны, остается и много поводов для аналогии: в XV в. многие государства также утверждали свое доминирование, подчинив себе аристократию и купцов, пытаясь обосновать свою власть символически.

В. Либерман пытается выстроить параллели между динамикой образования государств Юго-Восточной Азии и Европы, сравнивая Францию, Россию, Бирму, Таиланд, Вьетнам и Японию.⁸ Он прослеживает процессы территориальной и административной централизации, социального и культурного объединения, что предопределяет экономический подъем и облегчает новообразованным правительствам сбор налогов. Русский и японский примеры показывают различие в контекстах, преобладающих на той или иной части Евразийского континента. Рост российской государственности в XVI-XVIII вв., автор связывает с ее территориальной экспансией через малонаселенные зоны и в направлении, которое удаляло Россию от традиционно соревновательного типа связей между европейскими государствами. В японском случае развитие государственности и внутренняя динамика определялась намерением вывести страну из зависимого от Китая состояния. И в европейском, и в азиатском вариантах образование государств было детерминировано отношениями самой жестокой конкуренции с соперниками.

Ч. Тилли создал модель европейской государственности, коррелирующую двойной процесс извлечения ресурсов и установления административной власти, выделив два отличительных типа городских иерархий, организующих социальное пространство⁹. Первый состоит в создании сложноподчиненной зависимости административных центров, устанавливающих свой контроль на определенной территории: исходя из столицы, власть распространяется через пирамиду все менее и менее значимых городов. Второй тип городской иерархии состоит из коммерческих центров, которые аккумулируют капиталы и ресурсы Р.Б. Вонг прилагает данную модель к государствам Юго-Восточной Азии, прослеживая аналогии и различия на материале исторической конкретики. Так, суверены Юго-Восточной Азии, подобно европейским, стремились получать выгоды от торговой деятельности, учреждая правительственные монополии. Но их усилия по обеспечению доходов не приводили к внедрению новых институциональных форм, регламентирующих деятельность купцов, и финансовые аппетиты государства не порождали торговых или колониальных империй. Д. Катиритамби-Уеллс¹⁰ утверждает, что торговля портовых городов, поставленная под контроль суверена, прямо зависела от политической власти, и потому появление независимого класса купцов здесь было невозможным. Это снижало жесткость экономической конкуренции между торговыми группами, но не мешало портовым городам конкурировать политически. Иными словами, экономические интересы отдельных групп не создавали противоречий на пути реализации «государственных» задач.

Однако главное различие в контекстах образования государств Европы и Юго-Восточной Азии коренится в свойствах экономических политик: соревнование между устроителями государств в Европе подпитывалось сугубо европейскими формами меркантилизма, что давало некоторым из суверенов необходимые стимулы для морской и колониальной экспансии. Подобная экономическая политика сильно контрастирует, например, с экономическими аграрными установлениями Китайской империи.

Важным ресурсом установления государственной власти являются, как известно, идеологии, способные склонить людей к повиновению. Уникальным примером, органически увязавшим Государство и Культуру, является Китай, чьей политической философией стало конфуцианство. На этой базе в Китайской империи создавался комплекс бюрократических институтов, знаменитая система экзаменов на должности, одним словом, тот стиль китайской государственности, который окажет несравнимое ни с каким другим воздействие на политическое развитие других стран региона. Однако даже в случае Китая невозможно говорить об однородности его культуры, испытавшей на себе, в частности, тибет-

ское и мусульманское воздействия. Культурные практики разных районов Китая породжали множество «гибридных» форм жизни. Если Средиземноморье Броделя оказалось местом встречи христианского и мусульманского миров, то Юго-Восточная Азия стала сортом периферии, общей для множества влияний. Именно региональная перспектива помогает отслеживать те пути, на которых взаимодействуют социальные идентичности отдельных, культурно обособленных групп и политическая динамика государственных трансформаций¹¹.

Одним из центральных ракурсов в оптике сравнительных исследований является связь отдельных ареалов с внешним миром. Характер этих взаимодействий зависит, в значительной степени, от географического положения: например, сравнительно изолированный северозападный Китай никогда не мог бы стать местом «эпохи коммерции» или центром цивилизации, как Средиземноморье. Однако такой уровень анализа предполагает более крупный масштаб обобщений, сопоставимый с понятием «мира-системы», введенного И. Валлерстайном, чьи изыскания также в значительной степени вдохновлялись трудами Ф. Броделя¹². «Мир-система» определяется совокупностью неразрывно связанных признаков, экономических - таких как потоки ресурсов и продуктов, концентрирующихся в определенных центрах, политических - созданием и функционированием государства и прочих. Через такой «окуляр» анализа можно проследить длительный период, в течение которого Юго-Восточная Азия оказалась политически и экономически связанной одновременно с европейским «миром-экономикой» и «универсальным» китайским порядком. Политические власти региона выбирали разные стратегии для взаимодействия с двумя этими системами. Очевидным упрощением выглядит представление о том, что становление «новых» азиатских обществ происходит только под влиянием колониального европейского натиска. Выявляя аналогии в развитии евразийских государств периода Новой истории, Д. Флетчер выделяет семь общих признаков: упадок кочевого хозяйства, религиозный фундаментализм, подъем городского сословия, урбанизацию, демографический рост и убыстряющийся ритм жизни. Автор делает вывод о том, что колониальная политика Запада в Азии только придала новую форму динамикам государственных формообразований и мировосприятия (внедрив, например, новые для азиатов представления о «личности» и линейном времени), но возможности и лимиты политического изменения оставались привязанными к более глубоким тенденциям развития¹³.

В случае с континентально необъятным Китаем масштабы политических изменений периода Нового Времени не проявляются однозначно. Китайская империя конституируется в отдельный изолированный мир, а в XIX и XX вв., напротив, интегрируется все более и более в

мировую экономику. Возвращаясь к региональному масштабу анализа, удается лучше понять особенности данного процесса. В XIX в. сеть морской торговли удваивается за счет потока китайской эмиграции, поражающей своей предприимчивостью местное население, значительная часть которого работала в Юго-Восточной Азии качестве кули на плантациях, рудокопов и разносчиков. Ассимиляция китайцев не проходила по общим правилам, китайская диаспора всегда оставалась особой группой, верной принесенным с родины традициям. Даже в период краха китайской империи китайцы-иммигранты Юго-Восточной Азии стремились оказать ей материальную поддержку для создания политического центра, способного возродить былую мощь Поднебесной.

В северо-западном Китае династии Цин в 1830-1840 гг. удалось стабилизировать свои отношения с племенами Центральной Азии и сдержать политическую экспансию России и Англии на этих территориях. Стратегически ситуация оставалась нестабильной: подавив мусульманские мятежи в регионе, Цин вкладывали все новые средства в военное удержание этой части северо-западных областей, не гнушаясь устанавливать самые рутинные формы администрации, с тем, чтобы включить как можно большую приграничную территорию в политическую систему остатка империи.

Вопреки существующей оценке упадка китайской империи, производимого от провала ее политики на зависимых азиатских территориях, и от возрастающего давления западных наций, которые стремились закрепить свое присутствие в регионе, динамика трансформации китайского государства коренилась в стремлении поддержать внутренний порядок и отношения с населением северной и северо-западной провинций. Если рассматривать характер политических изменений указанной зоны китайского влияния, то становится очевидным, что политика династии Цин вписывается в региональный контекст, который далек от тех процессов, что происходили в Европе или Юго-Восточной Азии. Северо-западный Китай является составной частью более обширного региона кочевой Центральной Азии, в которой собственные связи между группами населения зачастую являлись менее значимыми, чем те, что они устанавливали с соседними «соседскими» системами. В отсутствие материальных ресурсов, необходимых для поддержания устойчивых взаимодействий внутри региона, определенные части Центральной Азии оказывались втянутыми в орбиту других политических систем – будь то Россия или Китай, - тогда как другие сохраняли политический и экономический статус периферий. «Устойчивость отдельных типов регионов по всему миру, с характерными для каждого их них способами государственных трансформаций, делает из подхода, фиксирующего внимание исключительно на мировой системе, диктуемой европейским порядком,

как минимум, очень узкий угол зрения для того, чтобы оценивать с необходимой проницательностью то, что происходит важного в «мире помимо Европы», - заключает Р.Б. Вонг¹⁴.

Регионы в броделевском масштабе имеют и временное измерение, обнаруживая способность ослабевать и исчезать за определенный период. Речь идет, конечно, не о географических протяженностях, но о пространствах человеческих взаимодействий, сотрудничества и конфликтов, которые могут терять свою значимость. Испания, в интерпретации Броделя, «покидает Средиземноморье», повернувшись лицом к более широким просторам Атлантики, Япония «покидает» Азию, по выражению Ф.Юиши, усваивая непрерывно возраставшее число институтов и экономических установлений Запада. Такого рода пространственные переориентации производят также изменения ментального порядка, заставляя, например, новые поколения японцев вести и чувствовать себя в большей степени как «европейцы», а не как азиаты. Отсюда берет свое начало и новая японская роль «желтых лидеров» Азии, пришедшая по аналогии с традиционным для европейцев «бременем белого человека». Но Восточная Азия, в отличие от Средиземноморья, переживая множество трансформаций, пройдя через жестокие перипетии XIX-XX вв., остается «действующим» регионом, более того, приобретает новый влиятельный статус, по-своему высвечивая проблему глобализации мировых процессов. Безусловно, важно изучать сети экономических взаимосвязей, иерархии политической власти, определяющих в совокупности новую мировую систему. Но зачастую эта система рассматривает существующие и только образующиеся политические практики и экономические стратегии, как если бы исторические конфигурации прежних эпох не имели никакой устойчивости во времени. Необходимым масштабом изучения этих актуальных «постоянств» в истории и является региональная перспектива, уровень обобщения в которой впервые определяется в работах французского историка Ф. Броделя.

Что касается самих французских историков, более того, учеников Фернана Броделя, то на взгляд М. Эмара, предложенный способ «перечитывания» его трудов является лучшим, а возможно, и единственным. Проблема не в том, чтобы имитировать метод Броделя, или ссылаться на него, но «свободно им вдохновляться, разрабатывать гипотезы, чтобы их опробовать на других периодах и местах, или ... использовать его как ключ, чтобы открыть двери, еще закрытые...»¹⁵ Комментируя эссе Р. Б. Вонга, автор отмечает, что в час микро-подходов и индивидуализма в истории, предостерегающих против любого холизма, все же необходимо применять гораздо более крупные модели временного и пространственного анализа, чтобы исследовать проблемы, проявляющие себя только на этом уровне. Региональная перспектива, среди немногих прочих, от-

крывает новые пути для сравнительной истории, освобождая науку от понятийной системы, разработанную исключительно на базе европейского опыта.

И все же освобождение от европоцентризма имеет свою цену и требует двойного усилия. Необходимо признать существование в мировом масштабе наличие других историографий, основанных на иных традициях, и по-своему задающих вопросы. Другая сложность связана с пониманием неевропейских историографий, языки которых все еще зачастую являются экзотическими для представителей Запада. В этом отношении такие исследователи, как Р.Б. Вонг, выполняют еще и функцию культурных посредников.

Анализируя цели и задачи, заявленные «региональной» перспективой, М. Эмар рассматривает ее как внушительный повод подумать о том, как историки данного направления практикуют обобщение и сравнение: их компаративный метод не предполагает существования инвариантов, но приводит к «вариабельной геометрии», начинающейся уже с произвольного отбора ограниченного числа «влиятельных» факторов; он не внедряет редукцию к идентичному, но вносит свой вклад в изучение различного и принимает своеобразие каждой отдельной ситуации.

Возвращаясь к наследию Фернана Броделя, М. Эмар выделяет три плодотворных пути. Первый из них связан с вопросом исторического «конструирования» Средиземноморья и наследующих ему образований. Впитав высокую культуру античности, но также ряда «локальных» цивилизаций, став особым геополитическим кадром в противостояниях с соперниками, Средиземноморье «выходит из большой истории» в середине XVII в., уступив место Европе, сосредоточившей внимание на пространствах Атлантики. Однако Ф. Бродель никогда не обозначал Средиземноморье в качестве «региона», или другого таксона в иерархии, способной как-то поделить мировую историю, ни в качестве особого теоретического конструкта: это был выбранный им способ наблюдать и изучать мир.

Необходимо уточнить также важное для Броделя понятие цивилизации. Его формат имеет особую историческую рельефность, а значит, и «педагогическую» ценность. Цивилизации – это пространства, общества, экономики, но также – преемственности, причем гораздо большей временной длительности, чем регионы. Нельзя замыкать интеллектуальное наследие Броделя только в рамках «региональной перспективы» - ни уровень анализа не исчерпывает объект исследования.

Наконец, еще один способ развития идей Броделя связан с понятием «мира-экономики», употребленное впоследствии Иммануилом Валлерстайном применительно к мир-системному анализу капиталистической экономики. Валлерстайн призывал ученый мир не замыкаться в

рамках терминологического детерминизма, его «принуждающих» теоретических обозначений. Так, западный «мир-экономика» не является единственной моделью капиталистического развития, существует, например, вариант «Крайнего Запада» - России, или Турецкой империи. Да и само данное понятие – «лишь определенный порядок перед лицом других порядков».

В целом предложенный способ интерпретации Ф. Броделя, безусловно, обладает новизной и стимулирует возможности сравнительной истории. Изучение экзотических с точки зрения традиционной западной историографии культур, производимое сквозь призму регионального анализа, находится в стадии становления.

¹ В основу данной статьи легла дискуссия на тему «Бродель и Азия», к которой пригласил всех заинтересованных исследователей журнал *Annales: Histoire, Sciences Sociales*, janvier-fevrier 2001. P. 5-50,

² R.B. Wong, *Entre Monde et Nation: les regions braudeliennes en Asie*. // *Annales: Histoire, Sciences Sociales*, janvier-fevrier 2001. P. 5.

³ Kirti N. Chaudhuri, *Trade and Civilisation in the Indian Ocean*, Cambridge, Cambridge University Press, 1985.

⁴ Kirti N. Chaudhuri, *Asia before Europe*, Cambridge, Cambridge University Press, 1990.

⁵ Anthony Reid, *Southeast Asia in the Age of Commerce 1450-1680*, 2 vols, New Haven Yale University Press, 1988, 1993.

⁶ Denys Lombard, *Le carrefour javanais*, 3 vols, Paris, Editions de l'EHESS, 1990.

⁷ Цит. По *Annales: Histoire, Sciences Sociales*, janvier-fevrier 2001. P. 16.

⁸ Victor Lieberman, "Transcending East-West Dichotomies: State and Culture Formation in Six Ostensibly Disparate Areas", *Modern Asian Studies*, 31, 1997. P. 463-546.

⁹ Charles Tilly, *Coercion, Capital and European States, AD 990-1992*, Oxford, Blackwell, 1990. P.127-130.

¹⁰ J. Kathirithamby-Wells, "Ethics and Entrepreneurship in Southeast Asia, c. 1400-1800", in K.A. Sprengard et R. Ptak, *Maritime Asia: Profit Maximisation, Ethics and Trade Structure, c. 1300-1800*, Wiesbaden, Harrassowitz, 1994. P. 171-187.

¹¹ T. Hutters, R. Bin Wong et P. Yu, *Culture and State in Chinese History: Conventions, Accommodations, and Critiques*, Stanford, Stanford University Press, 1997. P. 1-26.

¹² Immanuel Wallerstein, *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century*, New-York, Academic Press, 1974; *The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600-1750*, New-York, Academic Press, 1980.

¹³ Joseph Fletcher, "Integrative History: Parallels and Interconnections in the Early Modern Period, 1500-1800", in J. Fletcher, *Studies on Chinese and Islamic Inner Asia*, Aldershot, Variorum, 1995.

¹⁴ R.B. Wong, *Op. cit.* P. 37.

¹⁵ Maurice Aymard, *De la Mediterranee a l'Asie: une comparaison necessaire (commentaire)*. // *Annales: Histoire, Sciences Sociales*, janvier-fevrier 2001. P. 44.